

Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык

Мария Петровна Безенова

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия*

Введение. Статья посвящена описанию фонетических и морфологических особенностей одного из переводов Евангелия от Луки на удмуртский язык начала XIX в. Главная цель исследования – определить диалектную основу письменного памятника с помощью выявленных фонетико-морфологических явлений.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужил корпус рукописного текста «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» на удмуртском языке, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В качестве основных методов работы выступили описательный и сопоставительный.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования в рукописи были выявлены различные фонетические и морфологические особенности, присущие языку этого письменного памятника. Среди них выделяются следующие: прогрессивная лабиальная дистантная ассимиляция; выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения перед показателем сослагательного наклонения, маркером инфинитива и формантами некоторых деепричастий; функционирование форм порядковых числительных, а также глаголов, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, с ударением не на последнем слоге слова; употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства; образование аккузативных форм множественного числа простого склонения с помощью суффикса *-ты*; маркировка форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты*- основы показателем *-чк*- и др.

Заключение. Большинство зафиксированных в источнике явлений оказались архаичными по своему происхождению. Однако в памятнике присутствуют и инновационные особенности, на основе которых можно с уверенностью сказать, что рукопись подготовлена на говоре северного наречия удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, фонетические особенности, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

Для цитирования: Безенова М. П. Фонетико-морфологические особенности рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 1. С. 8–20. DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20.

Введение

Письменные памятники представляют собой ценный лингвистический материал для изучения истории языка, реконструкции языковых явлений и их хронологизации. На данный момент насчитывается более 400 наименований дореволюционных письменных источников на удмуртском языке, из которых описаны лишь немногие, с чем и связана актуальность выбранной темы исследования.

Значительная часть письменных источников удмуртского языка представлена переводами религиозной литературы, в

том числе текста Четвероевангелия. Работа над его переводом на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества, но по различным причинам растянулась практически на 30 лет¹. К публикации первых переводов Евангелий от Матфея и от Марка приступили лишь в 1847 г., а переводы Евангелий от Иоанна и от Луки так и остались ненапечатанными. На сегодняшний день известно о двух рукописях Евангелия от Луки на удмуртском языке начала XIX в.² Они находятся

¹ История появления первых книг на удмуртском языке подробно изложена в работе П. Н. Луппова [19].

² Оба варианта размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка на сайте <http://udmcorpus.udman.ru/memorials>, который и послужил источником анализируемого материала.

в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН)³ и в Российском государственном историческом архиве (РГИА)⁴. Данная статья посвящена описанию фонетико-морфологических особенностей рукописи «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе», хранящейся в СПбФ АРАН.

Обзор литературы

Переводу Евангелия от Луки на удмуртский язык из СПбФ АРАН ранее были посвящены две статьи Л. М. Ившина: «Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ» [9] и «О некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях Евангелия от Луки на удмуртском языке» [8]. Во второй работе автором выделены следующие фонетические и морфологические особенности, свойственные тексту рассматриваемой рукописи:

1) «наличие губно-губного согласного *у* (*u*), встречающегося в начале слова перед гласным *а*» [8, 70];

2) «употребление согласного *в* (*v*) в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *а* или *и* (*ква-//кви-*)» [8, 70];

3) «упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-рСС-* в *-рС-*» [8, 71];

4) «стяжение показателя суффикса настоящего времени от глаголов I спряжения *-ыс'к-* в *-ск-*» [8, 70];

5) «употребление показателя причастия “настоящего времени” от глаголов I спряжения с *ы-*вой огласовкой (*-ысь*)» [8, 70];

6) «существительные множественного числа, оканчивающиеся на гласную основу, оформлены “консонантным” алломорфом *-йос*» [8, 71];

7) «деепричастия с временным действием оформлены показателем *-кы*» [8, 71].

С большинством отмеченных Л. М. Ившиным явлений мы не согласны.

Во-первых, три из них (п. 2, 3, 5), на наш взгляд, обусловлены не фонетико-морфологическим своеобразием языка памятника, а орфографическими принципами. Так, употребление согласной *в* в сочетаниях *ква-*, *кви-* характерно для всех письменных памятников первой половины XIX в. независимо от их диалектной принадлежности [5, 36]. Функционирование сочетаний согласных типа *-рС-* в соответствии с литер. *-рСС-* в корне также представлено в большинстве письменных источников удмуртского языка, «хотя не все они созданы на той территории, где распространены говоры с *-рС-*» [13, 64]. Употребление в рукописи, как и в других памятниках этого периода, маркеров творительного, местного, исходного, отдалительного и переходного падежей, показателей возвратного залога, настоящего времени 1-го и 2-го лица, причастий настоящего времени и форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованных от глаголов I спряжения, с *и-*овой или *ы-*овой огласовкой зависит от конечной фонемы основы слова [4, 12–13, 15, 17, 20]. Как правило, *и-*овые форманты выступают после основ на гласные, мягкие согласные и на согласный *ж*, ср.: *вайллямъ* ‘они, оказывается, принесли’ 2PST.3PL (2: 27)⁵ – литер. *вайллям(зы)*, *кйсь* ‘из руки’ EIA (1: 71) – литер. *кысь*, *шуиськодъ* ‘ты говоришь’ PRS-2SG (1: 76) – литер. *шуиськод*, *лэзиськодъ* ‘ты отпускаешь’ PRS-2SG (2: 29) – литер. *лэзиськод*, *пыжинь* ‘в лодке’ INE (5: 7) – литер. *пыжин*; *гуртысенызъ* ‘из его дома’ EGR-POSS.3SG (8: 49) – литер. *гуртысеныз*, *карыськыса* ‘сделавшись’ REFL-CONV (2: 38) – литер. *карыськыса*, *лыктысь* ‘приходящий’ PTCR (7: 19) – литер. *лыктысь*, *пыдындыдъ* ‘твоей ногой’ INS-POSS.2SG (4: 10) – литер. *пыдындыд* и т. д.

Во-вторых, относительно п. 4 следует отметить, что в соответствии с литературным *-ис'к-* в рукописи маркером насто-

³ СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245.

⁴ РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.

⁵ Здесь и далее ссылка на источник «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» приводится в следующем формате: (номер главы: номер стиха).

ящего времени от глаголов I спряжения (с конечным *-ты-* основы) выступает суффикс *-чк-*, а не *-ск-* (графически *-цѣк-*), поскольку графема *ц* в анализируемом памятнике, как справедливо отмечает Л. М. Ившин в своей более ранней статье, посвященной графико-орфографическим особенностям этого источника, передает фонему /č'/ [9, 34] (см. примеры ниже).

В-третьих, утверждение, приведенное в п. 7, не совсем соответствует действительности, поскольку в тексте памятника деепричастия с временным значением маркируются двумя показателями: *-ку* и *-кы* (см. примеры ниже).

В нашей статье мы постараемся подробно описать фонетико-морфологические особенности анализируемого перевода Евангелия от Луки и на основе полученных результатов предпримем попытку определить диалектную основу указанного письменного памятника, поскольку на данный момент по этому поводу существуют различные точки зрения. Так, П. Н. Луппов отмечает, что рукопись подготовлена на елабужском наречии [18, 11], а по мнению Б. И. Каракулова и Л. М. Ившина, в основе перевода лежит севернoudмуртское наречие [9, 31–32; 10, 127].

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужил корпус рукописного текста «Отъ Луки Святое Благовѣствованіе» на удмуртском языке, хранящийся в СПбФ АРАН.

Анализ проведен методом сопоставления языкового материала рукописи с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. Языковые явления на уровне фонетики также соотнесены с данными словаря Ю. Вихманна “Wotjakischer Wortschatz”⁶, материалы для которого были собраны ученым в конце XIX в.

Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. показывает, что для определения их диалектной принадлеж-

ности необязательно сравнивать языковые особенности того или иного источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, однако следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменного источника важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие – архаизмами, сохранившимися от праудмуртского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Тщательное рассмотрение текста рукописи Евангелия от Луки на удмуртском языке указывает на то, что над переводом книги работал не один человек. В отдельных главах встречаются специфические черты, хотя почерк на всех страницах письменного источника однообразен. Например, в главах 5 и 6 вместо кириллической *і*, которая функционирует в удмуртских памятниках этого периода, при написании слов во многих случаях используется латинская *j*, ср.: *мызонъ-јосъ* (5: 2) vs *мызонъ-іосъ* (8: 3; 9: 19) ‘другие’. Для глав 8 и 12 характерна регрессивная ассимиляция в корне слова ‘Бог’, ср.: *иммаръ* (12: 6) vs *инмаръ* (1: 8; 2: 52) ‘Бог’, *иммарлэнъ* (8: 5) vs *инмарлэнъ* (5: 17) ‘у Бога’. Кроме того, в главе 8 встречается удвоенное написание *гг*, ср.: *юггѣтъ* (8: 10) vs *югѣтъ* (2: 9) ‘свет’, *оггѣзь* (8: 25) vs *огѣзь* (12: 1) ‘один’. Несмотря на это, в тексте рукописи можно выделить ряд диалектных фонетических и морфологических особенностей, свойственных языку анализируемого памятника в целом.

На уровне фонетики следует отметить следующие явления.

1. Употребление /u/ в соответствии с литер. /i/ в первом слоге:

⁶ См.: Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987. На данный момент этот словарь представляет собой наиболее полное и точное издание материалов удмуртских диалектов. Ссылки на него будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

бүдзімь ‘великий’ (1: 33) – литер. *быдзімь*; ср.: *bīdzīm*, *bītsīm* (G), *bīdzīm*, *bīddzīm* (J, MU), *bīd'dzīm* (MU), *bud'zīn*, *budd'zīn* (J), *bud'zīn* (J), *bud'd'zīn* (M), *bīd'd'zīn* (U) ‘большой, великий’ (с. 23) < ПУдм **byd-7*;

лүмшурісь ‘с юга’ ЕЛА (12: 55) – литер. *лүмшорысь*; ср.: *līm-šīr* (M, J, MU), *lum-šor*, *lum-šur* (G), *līṃ-šīr* (U) ‘полдень’ (с. 173) < ПУдм **lun-*, **lün-*;

пулатқыны ‘креститься’ REFL-INF (12: 50) – литер. *пылатіськыны*; ср.: *pīlaškinī* (M, J, MU), *plāškīnī* (G), *pīwaškīnī* (J), *plāškīnī* (MU), *pīlaškinī* (U) ‘купаться’ (с. 199) < ПУдм **pylaś-*;

іубыртъя ‘молись’ IMP.2SG (4: 8) – литер. *йубыртъя*; ср.: *jībīrtīnī* (G, B), *đ'ibirtīnī* (MU), *đ'ībīrtīnī* (U), *jībirtīnī* (S, M, J), *jubirtīnī* (J) ‘поклониться, молиться’ (с. 77) < ПУдм **uj-byr-t-*.

В данном случае среди выявленных в рукописи примеров представлены формы как инновационного, так и архаичного происхождения, на что указывают праудмуртские соответствия. Подобный переход в отдельных словах первоначальной /j/ в /u/ встречается в жувамском говоре бесермянского наречия [21, 236], поэтому вполне вероятно, что зафиксированные формы в качестве территориальных вариантов могли присутствовать и в языке анализируемого памятника.

2. Употребление /u/ в соответствии с литер. /j/ во втором слоге:

шукү ‘пена’ (9: 39) – литер. *шукы*; ср.: *šukī* (G), *šukī* (M), *šukī* (J), *š'kī* (U) ‘пена’ (с. 173);

сукурі ‘каравай’ (11: 5) – литер. *сукы-ри*; ср.: *sukīri* (M, J, MU), *sukri* (G, J), *sīkīri* (U) ‘каравай’ (с. 226).

Выявленная особенность, как видим, не отражена в словаре Ю. Вихманна, однако представлена в современных говорах удмуртского языка. Подобные формы более характерны для косинского говора нижнечепецкого диалекта и кезского говора верхнечепецкого диалекта, однако некоторые примеры встречаются и в других севернудмуртских говорах [11,

117–118], а также в бесермянском наречии [22, 44]. Это явление, по всей вероятности, имеет инновационное происхождение и обусловлено прогрессивной лабиальной ассимиляцией [11, 117–118].

Значительная часть письменных источников удмуртского языка представлена переводами религиозной литературы, в том числе текста Четвероевангелия. Работа над его переводом на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества, но по различным причинам растянулась практически на 30 лет.

3. Употребление в анлауте билабиального сонанта /u/ (графически *у/уь*) в соответствии с литер. /v/ перед /a/:

уамэнь ‘поперек’ (2: 34) – литер. *вамен*; ср.: *uamen* (G, B, M, MU, U) ‘поперек’ (с. 306);

увань ‘есть, имеется’ (7: 40; 8: 15) – литер. *вань*; ср.: *uān*, *uānt-* (G, B, MU), *uān* (M, U), *vañ* (S), *vañ*, *vañt-* (J, MU) ‘есть, имеется; весь’ (с. 307);

уваськызы ‘спустились’ 1PST-3-PL (9: 37) – литер. *васькызы*; ср.: *uāškīnī* (G, U), *uāškī-* (M), *uāšk-*, *vašk-* (MU), *vaškī-* (S), *vaškīnī* (J) ‘спуститься, слезть’ (с. 308);

уватыны ‘похоронить’ INF (9: 59) – литер. *ватыны*; ср.: *uatīnī* (G, B, U), *uatnī* (M), *uatīnī* (MU), *vatinī* (S, MU) ‘спрятать, прятать’ (с. 308);

диал. *увазынырысь* ‘самый первый’ (6: 48); ср.: *uaz* (G, B, M, MU, U), *vad'z* (S), *važ* (MU) ‘рано’ (с. 308);

диал. *уваллянь* ‘раньше’ (6: 23); ср.: *uāl'an* (G, B), *vad'lan* (S), *val'an* (MU), *uad'lan* (U) ‘раньше (B); прежде, в старину (MU); позавчера (S); в позапрошлом году (U); старый урожай (G)’ (с. 308).

Данное явление, вероятно, имеет архаичное происхождение, поскольку на сегодняшний день характерно для отдельных говоров всех наречий удмуртского

⁷ Праудмуртские формы даны по неопубликованной базе пермских языков, подготовленной С. Л. Николаевым и любезно предоставленной автором.

языка. Оно представлено в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия, бесермянском наречии, некоторых говорах южного наречия (нижнеижском, татышлинском, буйско-таньпском), также sporadически встречается в срединных говорах⁸. По мнению финно-угроведов, этот согласный в указанной позиции восходит к прапермскому *ц [20, 24; 31, 63–70], который при дальнейшем развитии консонантной системы удмуртского языка в большинстве случаев был замещен согласной фонемой /v/, имевшей большую частотность в анлауте по сравнению с /ц/⁹. Функционирование в зафиксированных формах особой согласной, как видим, подтверждается и материалами словаря Ю. Вихманна.

4. Употребление в инлауте аффрикаты /č/¹⁰ в соответствии с литер. /š/ перед /k/:

бычкәлтөзь ‘он вонзит’ FUT-3SG (2: 35) – литер. *бышкәлтөз*; ср.: *bīškalṭinī* (G), *bīškalṭinī* (S, M), *bīškalṭinī* (MU), *bīškalṭinī* (U) ‘воткнуть, кольнуть, уколоть’ (с. 24);

квачкәтызь ‘он разрушил’ 1PST-3SG (6: 49) – литер. *куашкәтүз*; ср.: *kuat’skänī* (G), *kuat’skänī* (M), *kuat’skänī* (J, MU), *kuat’skänī* (U) ‘разрушиться, развалиться’ (с. 142);

лушкәмь ‘тайно’ (8: 16) – литер. *лушкәмь*; ср.: *lušket* (G, M, J), *lušket* (U) ‘тайно, скрытно’ (с. 149) и др.

В этом случае в памятнике также представлены более архаичные формы по сравнению с литературными. Как отмечают лингвисты, для праудмуртского периода было характерно свободное функционирование аффрикат во всех позициях слова [14, 35]. Однако с течением времени данная система претерпела различные изменения, в частности в инлауте перед согласным произошла деаффрикатизация /č/ [15, 40]. В результате в большинстве современных диалектов,

как и в литературном языке, в указанной позиции стал функционировать фрикативный /š/. Однако в некоторых говорах архаичные формы сохранились до сих пор. Подобные примеры встречаются в отдельных срединных¹¹ и южноудмуртских говорах [2, 50; 12, 37], а также в среднечепецких, нижнечепецких и sporadически в верхнечепецких диалектах удмуртского языка [11, 138]. Материалы финского ученого также свидетельствуют о том, что в указанной позиции в конце XIX в. /č/ была распространена в различных удмуртских диалектах.

5. Сохранение твердого характера /n/ после переднерядной /i/:

кинъ ‘кто’ (9: 26) – литер. *кин*; ср.: *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ (с. 105);

инъ ‘небо’ (2: 13) – литер. *ин*; ср.: *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñm-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’ (с. 65);

пиналэз ‘ребенка’ ACC (1:80) – литер. *пиналэз*; ср.: *pinal* (G, M, U), *piñal*, *piñal’* (B), *piñau* (J, MU), *piñau* (MU) ‘молодой; ребенок’ (с. 196) и др.

В говорах южной диалектной зоны, а также в бесермянском наречии дентальная /n/ под влиянием переднерядной /i/, как правило, смягчается и переходит в /n’/¹². В памятнике мы видим сохранение твердого характера согласной /n/ в указанной позиции, что на сегодняшний день свойственно в первую очередь говорам северного наречия, а также большинству срединных и некоторым периферийно-южным (татышлинскому, канлинскому, закамскому) говорам.

6. Выпадение конечной гласной основы /i/ глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения *-салъ*, показателем инфинитива *-ны* и маркерами деепричастий *-са* и *-тэкъ* (при условии отсутствия сочетания согласных перед /i/)¹³: *пырсалъ* ‘ты бы вошел’ SVJ.V.2SG (7: 6) – литер. *пырсал(ыд)*;

⁸ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. С. 83.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Аффриката /č/ в рукописи передается графемой ч [9, 34].

¹¹ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 198.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Встречаются формы, в которых выпадение не происходит (в основном в главах 5 и 6).

шусаль ‘он бы сказал’ SVJV.3SG (1: 61) – литер. *шуысал(ыз)*; *вайны* ‘принести’ INF (2: 6) – литер. *вайыны*; *мынны* ‘идти’ INF (8: 23) – литер. *мыныны*; *буйгатса* ‘успокоив’ CONV (3: 18) – литер. *буйгатыса*; *кылса* ‘услышав’ CONV (4: 28) – литер. *кылыса*; *ситэкъ* ‘не евши’ CONV (5: 34) – литер. *сытэк* и др.

Данное инновационное явление в первую очередь характерно для срединных говоров удмуртского языка¹⁴. Оно также регулярно встречается в верхнечепецком диалекте северного наречия [11, 113–114]. Спорадически эта особенность фиксируется и в отдельных южноудмуртских говорах, в частности в средне-южном [1, 201].

7. Употребление форм с ударением на первом слоге показателя порядковых числительных: *дасъ витэти* ‘пятнадцатый’ ORD (3: 1), *кватэтый* ‘шестой’ ORD (1: 26), *кыкътэти* ‘второй’ ORD (5: 7) и др.

В литературном языке и во многих диалектах удмуртского языка ударение в подобных формах традиционно падает на последний слог слова. Особенность, выявленная в памятнике, характерна для современных северноудмуртских диалектов [11, 122], отмечается в бесермянских [22, 47] и в отдельных срединных говорах¹⁵. Кроме того, аналогичное явление представлено во всех диалектах коми-пермяцкого [3, 121] и в некоторых диалектах коми-зырянского языка [25, 45]. Исходя из того что данная особенность встречается как в удмуртских, так и в коми говорах, можно предположить, что она имеет архаичное происхождение.

8. Функционирование глагольных форм, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, с ударением на слоге, предшествующем этим маркерам¹⁶: *кылзыськóды* ‘вы слушаете’ PRS-2-PL (8: 17), *вералóды* ‘вы скажете’ FUT-2-PL (4: 23), *лыктóзы* FUT-3-PL ‘они придут’ (5: 35), *кылы́ми* ‘мы услышали’ 1PST-1-PL

(4: 23), *ветл́иды* ‘вы ходили’ 1PST-2-PL (7: 25), *малпáзы* ‘они подумали’ 1PST-3-PL (3: 15) и др.

Подобное явление зафиксировано в современном среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [11, 120], в бесермянском наречии [22, 46] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта удмуртского языка¹⁷. Такие формы с ударением не на последнем слоге слова, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [15, 33], т. е. могут быть архаичными.

В современном удмуртском языке посессивные суффиксы с *и*-овой огласовкой используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’. Территориально эти формы функционируют в говорах северной диалектной зоны.

Кроме того, в тексте рукописи встречаются многочисленные явления нерегулярного характера, т. е. представленные единичными лексемами. Функционирование подобных форм в удмуртских диалектах подтверждается материалами словаря Ю. Вихманна, тем самым свидетельствуя о том, что эти единичные примеры также определенным образом отражают диалектные черты языка памятника¹⁸.

К таким нерегулярным явлениям можно отнести случаи употребления:

/a/ в соответствии с литер. */o/*: *салдатъ-йóсь* ‘солдаты’ PL (7: 8) – литер. *солдатъёс*; *салдатъйóсты* ‘солдат’ PL-ACC (7: 8) – литер. *солдатъёсты/солдатъёсыз*; ср.: *saldat* (G, B, M, U), *soldat* (G), *sáudat*, *sóudat* (MU) ‘солдат’ (с. 217);

¹⁴ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 62.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Встречаются исключения с ударением на последнем слоге (чаще всего в главах 5 и 6).

¹⁷ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Большинство форм в словаре зафиксировано с пометой G (глазовский диалект).

/e/ в соответствии с литер. /i/ во втором слоге: *беректыны* ‘вернуть’ 1^{PL}-3^{SG} (4: 20) – литер. *берыктыны*; *беректыз* ‘возвратил’ 1^{PL}-3^{SG} (4: 20) – литер. *берыктыз*; ср.: *beriktinŋi* (G, U), *berek-tinŋi* (G), *beriktinŋi* (M, MU), *berikt-* (J) ‘перевернуть, воротить, возвратить’ (с. 19);

/i/ в соответствии с литер. /e/ во втором слоге: *толыз* ‘месяц’ (4: 25) – литер. *толэз*; ср.: *tolež* (G, B, J, MU, U), *tolŋž* (G), *toledž* (M), *tocež* (J, MU) ‘луна; месяц’ (с. 265);

/l/ в соответствии с литер. /j/: *пельмыт* ‘темный’ (3: 20) – литер. *пей-мыт*; *пэлмытын* ‘в темноте’ 1^{NE} (1: 72) – литер. *пеймытын*; *пельмытэн* ‘в темное время суток’ (12: 3) – литер. *пей-мытэн*; ср.: *pel'mit* (G), *pel'mit*, *peimŋit* (J), *peimŋit* (G, U), *peimŋit* (M, MU), *peimŋit* (U) ‘темный; темно’ (с. 192);

/n/ в соответствии с литер. /m/: *мырдэн* ‘с трудом’ (9: 39) – литер. *мыр-дэм*; ср.: *mŋrdem* (G), *mŋrden* (M, MU), *mŋrden* (MU) ‘с трудом’ (с. 162) и др.

На уровне морфологии в результате анализа рукописного перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык мы выявили следующие особенности.

1. Оформление форм множественного числа имен существительных от основ с конечной гласной маркером *-йос* (графически *-йось(-)*): *адямйось* ‘люди’ 1^{PL} (2: 52) – литер. *адямиос*; *зуйось* ‘могилы’ 1^{PL} (9: 58) – литер. *зуюс*; *кышнойось-лэсь* ‘у женщин’ 1^{PL}-AVL (1: 28) – литер. *кышно-ослэсь* и др.

В удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов к именным основам с финальным гласным присоединяется маркер *-ос*, а формы множественного числа от основ с конечным согласным образуются с помощью суффикса *-йос* (графически *-ёс*). В памятнике в обоих случаях употребляется йотированный вариант. Данное явление сегодня встречается в отдельных южных¹⁹ и севернoudмуртских говорах [11, 163–164]. При этом формы

с *й* лингвисты считают более архаичными [29, 171; 30, 152; 31, 182–183].

2. Употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства: *ай* ‘мой отец’ 1^{POSS} (11: 13) – литер. *айи* / *айые*; *бубйды* ‘твой отец’ 2^{POSS} (4: 23) – литер. *бубид* / *бубыед*; *мумйз* ‘его мать’ 3^{POSS} (1: 43) – литер. *мумиз* / *мумыез* и др.

В современном удмуртском языке possessивные суффиксы с *и*-овой огласовкой используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’²⁰. Территориально эти формы функционируют в говорах северной диалектной зоны [6, 59, 63; 11, 170]. Приведенные примеры, вероятно, являются инновационными по своему происхождению. Гласный *и* в указанных формах С. А. Максимов возводит к уменьшительно-ласкательному суффиксу. По мнению исследователя, «возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери... слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции названия, в которой оно... воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [23, 211].

3. Маркировка аккузативных форм множественного числа простого склонения показателем *-ты*: *висёнйюсты* ‘болезни’ 1^{PL}-ACC (9: 1) – литер. *висёнёсты* / *висёнёсыз*; *курадзёнйюсты* ‘страдания’ 1^{PL}-ACC (4: 18) – литер. *курадзёнёсты* / *курадзёнёсыз*; *кыльйюсты* ‘слова’ 1^{PL}-ACC (8: 49) – литер. *кыльёсты* / *кыльёсыз* и др.

В литературном языке, как видим, указанные формы образуются с помощью двух дублетных формантов *-ты* и *-ыз*. На уровне диалектов эти маркеры четко противопоставлены друг другу ареалом распространения. Показатель *-ты* функционирует в северных диалектах [11, 182], в бесермянском наречии [22, 76; 27, 174–176], а также отмечен в прикильмез-

¹⁹ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 116.

²⁰ См.: Удмурт кылын шонер гождяськонья кыллокам (Шонер гождяськонья правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет. Ижевск, 2022. С. 52–53.

ских [7, 105] и средневожостных²¹ срединных говорах. Суффикс *-ыз* представлен в говорах южной диалектной зоны, которая охватывает южное наречие и южную часть срединных говоров удмуртского языка²². Оба форманта, по мнению ученых, восходят к прапермскому периоду [17, 118], поскольку аналогичное варьирование аккузативных показателей зафиксировано и в коми языке²³.

4. Функционирование форм творительного падежа с суффиксами *-энынъ/-енынъ* и *-ынынъ*: *курамэнынъ* ‘с сосватанной’ INS (2: 5) – литер. *курамен*; *кужмынынъ* ‘силой’ INS (1: 16) – литер. *кужмын*; *малпаменынъ* ‘с мыслью’ INS (10: 27) – литер. *малпамен*; *нимынынъ* ‘именем’ INS (1: 26, 10: 39) – литер. *нимын* и др.

Эти примеры в тексте источника употребляются параллельно с формами, маркированными показателями *-энь/-енъ*, *-ынъ*, идентичными литературным, ср.: *вуэнь* ‘водой’ INS (3: 16) – литер. *вуэн*; *картэнь* ‘мужем’ INS (2: 36) – литер. *картэн*; *сюлмынь* ‘сердцем’ INS (2: 19) – литер. *сюлмын* и др. Зафиксированные в памятнике нестандартные формы, насколько нам известно, в современных удмуртских говорах не встречаются, однако аналогичные примеры мы выявили в рукописи «Отъ Юанна Святое Благовѣствованіе»²⁴, подготовленной на северноудмуртском диалекте, ср.: *кышноэнынъ* ‘с женой’ INS – литер. *кышноен*; *нимынынъ* ‘именем’ INS – литер. *нимын*; *синмынынъ* ‘глазами’ INS – литер. *синмын* и др. Объяснить происхождение данных форм мы пока затрудняемся, однако ясно, что они также отражают языковую особенность анализируемого памятника.

5. Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты*-основы с помощью суффикса *-чк-* (графически *-цьк/-цк-*): *бэрцькызы* ‘вернулись’ REFL-1PST-3-PL (2: 43) – литер. *берытскизы* / *берытійськызы*; *кышкацькызы* ‘испугался’ REFL-1PST-3SG (1: 12) – литер.

кышкатскиз / *кышкатійськыз*; *эцькызы* ‘прикоснулся’ REFL-1PST-3SG (8: 44) – литер. *йотскиз* / *йотійськыз* и др.

Маркер *-чк-* в данном случае служит модификацией суффикса *-ис'к-*, который возник в результате сочетания элемента *t* глагольной основы с согласным *c'* залогового суффикса (например, *кышкатійськыны* > *кышкачкыны* ‘испугаться’). Подобные формы, по данным диалектологов, сегодня представлены в кырымасских²⁵ и граховских [2, 69] говорах южного наречия, а также sporadически встречаются в глазовском говоре среднечепецкого диалекта и в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [11, 327–328]. Единичные примеры зафиксированы и в бесермянском наречии [22, 126].

6. Маркировка деепричастий с временным значением показателями *-ку* и *-кы*: *ветлыкудъ* ‘когда ты ходишь’ CONV-2SG (10: 38) – литер. *ветлыкуд*; *улыкюзъ* ‘когда он находится’ CONV-3SG (2: 6) – литер. *улыкюз*; *люкаскыкы* ‘во время сбора’ CONV (4: 15) – литер. *люкаськыку*; *пуксыкы* ‘во время присеста’ CONV (4: 40) – литер. *пуксьыку* и др.

Из двух вариантов формант *-ку* по своему происхождению считается вторичным [24, 70; 26, 302]; он возник, по всей вероятности, из формы на *-кы* «по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ку?* ‘когда?’» [11, 350], функционирует в современном среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия [11, 348], а также в кильмезских говорах Кировской области [16, 45]. Параллельно с *-кы* маркер *-ку* может употребляться в отдельных срединных и бесермянских говорах [22, 132], а также sporadически встречается в некоторых населенных пунктах, относящихся к кезскому говору верхнечепецкого диалекта [11, 349]. Архаичный вариант *-кы* в целом характерен для говоров южной

²¹ См.: Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожостных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. С. 212.

²² См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 119.

²³ Там же. С. 120.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. Л. 61.

²⁵ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 141.

диалектной зоны и нижнечепецкого диалекта северного наречия²⁶.

7. Функционирование форм единственного числа сослагательного наклонения без личных показателей: *пырсаль* 'ты бы вошел' SVJV.2SG (7: 6) – литер. *пырысал(ыд)*; *тодсаль* 'он бы знал' SVJV.3SG (7: 39) – литер. *тодысал(ыз)*; *шусаль* 'он бы сказал' SVJV.3SG (1: 61) – литер. *шуысал(ыз)* и др.

Данное явление сегодня характерно для северноудмуртских [11, 294] и средневожжечных²⁷ говоров удмуртского языка. В южноудмуртских диалектах формы единственного числа сослагательного наклонения могут изменяться или по всем трем лицам, или по двум (во 2-м и 3-м), или имеют особый показатель лишь во 2-м лице²⁸. В бесермянском наречии указанные формы функционируют с личными показателями во всех трех лицах, однако употребление личного маркера в 1-м лице носит факультативный характер [22, 113; 27, 233–234]. Согласно материалам Б. А. Серебренникова, первичными являются сослагательные формы единственного числа, не изменяемые по лицам [26, 292–293].

8. Употребление форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени без личных показателей: *ваилля́мь* 'они, оказывается, принесли' 2PST.3PL (2: 22) – литер. *вайилля́м(зы)*; *возьмалля́мь* 'они, оказывается, ждали' 2PST.3PL (2: 8) – литер. *возьмалля́м(зы)*; *шеттылля́мь* 'они, оказывается, нашли' 2PST.3PL (7: 10) – литер. *шедьтылля́м(зы)* и др.

Тенденция употребления данных форм без личных маркеров присутствует в современных верхнечепецких и среднечепецких диалектах северного наречия [11, 314]. Также эта особенность зафиксирована в кырыкмасских говорах южноудмуртского наречия [12, 50]. По мнению Е. А. Цыпанова, с учетом диалектных данных коми и удмуртского языков развитие личных маркеров в указанных формах может представлять собой относительно позднее явление [28, 161].

Кроме перечисленных, на наш взгляд, стоит отметить еще одну интересную особенность. Дело в том, что в главе 8 рукописи формы отдалительного падежа, оформленные маркером **-ысен(ы)-**, употребляются в функции исходного падежа: *Кү со поты́зь шу́рь дурэ пумита́зь поты́зь кинке ады́ми карысе́нь, куда́сь шайтангы́сь ва́ль кемала́сь со дысяськэмътэ ва́ль, корка́нь эзэ у́ль шайны́ улы́зь*. «Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах» (8: 27); *Ношна́ со вера́зь со кылы́осты кинке лыкты́зь тэрэ́лэнь гурты́сены́зь вера́ соль: нылы́дь тына́дь кулы́зь; энэ ку́радзи дышеты́сьтэ*. «Когда Он еще говорил это, приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя» (8: 49).

Случаи употребления эггессивных форм в функции элатива встречаются в современном слободском говоре нижнечепецкого диалекта, а также в глазовском и ярском говорах среднечепецкого диалекта северного наречия [11, 180]. Ранее данное явление было отмечено и в другом письменном памятнике первой половины XIX в. – в Евангелии от Марка на глазовском наречии [4, 14].

Заключение

Итак, в тексте рассмотренной рукописи Евангелия от Луки на фонетико-морфологическом уровне можно выделить пять явлений регулярного характера, которые однозначно относятся к инновациям:

1) употребление /u/ в соответствии с литер. /i/ во втором слоге (прогрессивная лабиальная ассимиляция);

2) выпадение конечной гласной основы /i/ глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения **-саль**, показателем инфинитива **-ны** и маркерами деепричастий **-са** и **-тэкъ**;

²⁶ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 159.

²⁷ См.: Бушмакин С. К. Указ. соч. С. 302.

²⁸ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 147.

3) употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства;

4) образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения с конечным *-ты-* основы с помощью суффикса *-чк-*;

5) маркировка деепричастий с временным значением наряду с архаичным формантом *-кы* инновационным показателем *-ку*.

Перечисленные особенности представлены в северноудмуртских говорах, точнее, большинство из них, как было показано выше, характерно для кезского го-

вора верхнечепецкого диалекта. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что памятник подготовлен на говоре северного наречия удмуртского языка, как и указано в работах Б. И. Каракулова [10, 127] и Л. М. Ившина [9, 31–32]. П. Н. Луппов же в своей книге [18, 11], вероятно, писал о другом варианте перевода Евангелия от Луки, который хранится в РГИА. Однако проверить эту догадку можно лишь в процессе аналогичного тщательного описания языковых особенностей данной рукописи, чем мы в дальнейшем и планируем заняться.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

<i>диал.</i>	диалект, диалектный
<i>литер.</i>	литературная форма, литературный язык
<i>ПУдм</i>	праудмуртский
<i>В</i>	бесермянский диалект
<i>G</i>	глазовский диалект
<i>J</i>	елабужский диалект
<i>ЛI</i>	елабужский диалект по рукописному словарю В. Ислентьева
<i>M</i>	малмыжский диалект
<i>MU</i>	малмыжско-уржумский диалект
<i>S</i>	сарапульский диалект
<i>U</i>	уфимский диалект
<i>Глоссы</i>	
<i>1, 2, 3</i>	первое, второе, третье лицо
<i>1pst</i>	первое (очевидное) прошедшее время
<i>2pst</i>	второе (неочевидное) прошедшее время

<i>abl</i>	аблатив
<i>acc</i>	аккузатив
<i>conv</i>	деепричастие
<i>egr</i>	эгрессив
<i>ela</i>	элатив
<i>fut</i>	будущее время
<i>imp</i>	повелительное наклонение
<i>ine</i>	инессив
<i>inf</i>	инфинитив
<i>ins</i>	инструменталь
<i>ord</i>	порядковое числительное
<i>pl</i>	множественное число
<i>poss</i>	посессивный показатель
<i>ptcp</i>	причастие
<i>prs</i>	настоящее время
<i>refl</i>	рефлексив
<i>sbjv</i>	сослагательное наклонение
<i>sg</i>	единственное число

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1962. Вып. 117, № 1. С. 189–206.
- Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Безенова М. П. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022. № 4. С. 7–27. DOI: 10.37892/2500-2902-2022-47-4-7-27.
- Безенова М. П. Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1. С. 22–43.
- Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин [и др.]. Ижевск: Регулярная и хаотичная динамика, 2013. Вып. 3. 300 с.
- Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // *Fenno-Ugristica*. Вып. 6. Специфические особенности лексики и грамматики уральских языков. Тарту, 1980. С. 103–110.
- Ившин Л. М. О некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях Евангелия от Луки на удмуртском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвисти-

- ка и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 69–72.
9. Ившин Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 30–37.
 10. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 207 с.
 11. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
 12. Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. Ижевск, 1977. С. 26–61.
 13. Кельмаков В. К. Отзыв о статье М. П. Безеновой «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Ӝеч кылъёс. Святой Тихонлэн ӝечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016. № 3. С. 64–67.
 14. Кельмаков В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23, № 1. С. 34–44.
 15. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 58 с.
 16. Кириллова Л. Е., Титова О. В. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): материалы XVI Всерос. конф. Уфа, 2016. С. 43–45.
 17. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке: моногр. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
 18. Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань: Центр. тип., 1905. 25 с.
 19. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века: Исследование. Вятка: Губ. тип., 1911. 642 с.
 20. Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
 21. Люкина Н. М. Жувамский говор бесермянского наречия // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск, 2009. С. 234–238.
 22. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: моногр. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. 199 с.
 23. Максимов С. А. Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка – мать отца», «Бабушка – мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка – отец отца», «Дедушка – отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Ижевск, 2013. Вып. 3. С. 204–258.
 24. Перевошиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. 328 с.
 25. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования): моногр. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. 271 с.
 26. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
 27. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 287 с.
 28. Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2005. 284 с.
 29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 old.
 30. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 old.
 31. Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. 466 S.

Поступила 20.04.2023; одобрена 18.05.2023; принята 28.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. П. Безенова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>

Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language

Maria P. Bezenova

*Udmurt Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia*

Introduction. The article describes the phonetic and morphological features of one of the translations of the Gospel of Luke into the Udmurt language of the early XIX century. The main purpose of the study is to determine the dialect basis of the written monument using the identified phonetic and morphological phenomena.

Materials and Methods. The source base of the research is the corpus of the handwritten text "St. Luke's Holy Gospel" in the Udmurt language, which is stored in the Saint-Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The main methods of the research are descriptive and comparative.

Results and Discussion. During the research, there were identified various phonetic and morphological characteristics inherent in the language of this written monument. Among them, the following can be noted: progressive labial distant assimilation; the loss of the final vowel of the base *л* of verbs of the I conjugation before the subjunctive mood indicator, the infinitive marker and the formants of some adverbs; the functioning of the forms of ordinal numerals, as well as verbs ending in personal indicators *-мьл*, *-дьл*, *-зьл*, with emphasis not on the last syllable of the word; the use of personally possessive markers with an *i*-vowel in words denoting terms of closest relationship; the formation of accusative forms of the plural number of simple declension using the suffix *-мьл*; marking of forms of the reflexive voice from verbs of the I conjugation with the final *-мьл* basis indicator *-чк-*, etc.

Conclusion. Most of the phenomena identified in the source turned out to be archaic in origin. However, there are also innovative features in the monument, which make it possible to state that the dialect of the northern dialect of the Udmurt language was used for the preparation of the manuscript.

Keywords: the Udmurt language, written record, Gospels, phonetic features, morphological features, Udmurt dialects

For citation: Bezenova MP. Phonetic and morphological characteristics of handwritten translation of the Gospel of Luke into the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2024;16;1:8–20. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.016.2024.01.8-20.

REFERENCES

1. Arkhipov GA. Some questions of phonetics of the Middle-Southern dialect of the Udmurt language. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Studies of Tartu State University*. Tartu; 1962;117;1:189–206. (In Russ.)
2. Atamanov MG. Grakhovo subdialects of southern Udmurt dialect. *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obratzы rechы* = *Materials on Udmurt dialectology: speech patterns*. Izhevsk; 1981:45–96. (In Russ.)
3. Batalova RM. Komi-Permyak dialectology. Moscow; 1975. (In Russ.)
4. Bezenova MP. Morphological features of the first printed Gospels in Udmurt. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2022;4:7–27. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2022-47-4-7-27.
5. Bezenova MP. Phonetic features of the Udmurt religious texts of the first half of the XIX century in comparison with the modern dialects. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = *Ural-Altai Studies*. 2014;1:22–43. (In Russ.)
6. Nasibullin RSh at al. Dialectological atlas of the Udmurt language: maps and comments. Izhevsk; 2013;3. (In Russ.)
7. Zagulyajeva BSh. Morphological peculiarities of the Kilmez river dialects of the Udmurt language. *Fenno-Ugristica*. Tartu; 1980;6:103–110. (In Russ.)
8. Ivshin LM. About some phonetic, morphological and lexical features of the Gospel of Luke in the Udmurt language. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2016;1:69–72. (In Russ.)

9. Ivshin LM. Graphical and spelling analysis of the handwritten Gospel of St. Luke in Udmurt. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2011;3:30–37. (In Russ.)
10. Karakulov BI. History of the Udmurt literary language of the XVIII–XXI centuries. Izhevsk; 2006. (In Udm.; In Russ.)
11. Karpova LL. Dialects of the northern dialect of the Udmurt language: formation and current state. Monograph. Izhevsk; 2020. (In Russ.)
12. Kelmakov VK. Brief description of Kyrykmas dialects of the South Udmurt dialect I. *Voprosy udmurtskoi dialektologii: sb. st.* = Questions of Udmurt dialectology. Collection of articles. Izhevsk; 1977:26–61. (In Russ.)
13. Kelmakov VK. Comment on the paper by Maria Bezenova “The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak Language” of 1891 (“Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз”): consonant features”. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2016;3:64–67. (In Russ.)
14. Kelmakov VK. Proto-Perm affricates in modern Udmurt dialects. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1987;23;1:34–44. (In Russ.)
15. Kelmakov VK. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
16. Kirillova LE, Titova OV. About some morphological features of the Kilmez dialects of the Udmurt language. *Aktual'nye problemy dialektologii iazykov narodov Rossii. XVI Vserossiiskaia konferentsiia (s mezhdunarodnym uchastiem): materialy XVI Vseros. konf.* = Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. XVI All-Russian conference (with international participation). Materials of the XVI All-Russian conference. Ufa; 2016:43–45. (In Russ.)
17. Kondrat'eva NV. Formation of the case system in the Udmurt language. Monograph. Izhevsk; 2011. (In Russ.)
18. Luppov PN. About the first Votyak translations of the sources of Christian enlightenment: essays from the history of foreign translations. Kazan; 1905. (In Russ.)
19. Luppov PN. Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century: Study. Vyatka; 1911. (In Russ.)
20. Lytkin VI. Historical vocalism of the Permian languages. Moscow; 1964. (In Russ.)
21. Liukina NM. Zhuvam dialect of the Besermyan dialect. *Permistika 10: Voprosy permskoi i finno-ugorskoi filologii: Materialy X mezhdunar. simp.* “Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami” = Permistics 10: Questions of Permian and Finno-Ugric philology. Materials of the X International symposium “Dialects and history of Permian languages in interaction with other languages”. Izhevsk; 2009:234–238. (In Russ.)
22. Liukina NM. Phonetic and morphological features of the language of Lekma and Yunda Besermyans. Izhevsk; 2016. (In Russ.)
23. Maksimov SA. Comment on maps: “Mother”, “Appeal to mother”, “Grandmother – mother of father”, “Grandmother – mother of mother”, “Father”, “Appeal to father”, “Grandfather – father of father”, “Grandfather – father of mother”, “Stepfather”. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo iazyka: karty i kommentarii* = Dialectological atlas of the Udmurt language: maps and comments. Izhevsk; 2013;3:204–258. (In Russ.)
24. Perevoshchikov PN. Adverbs and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk; 1959. (In Russ.)
25. Popova RP, Sazhina SA. Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the study). Syktyvkar; 2014. (In Russ.)
26. Serebrennikov BA. Historical morphology of Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
27. Teplishina TI. The language of the Besermyans. Moscow; 1970. (In Russ.)
28. Tsypanov EA. Grammatical categories of the verb in the Komi language. Syktyvkar; 2005. (In Russ.)
29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest; 2005.
30. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest; 1965.
31. Uotila TE. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki; 1933.

Submitted 20.04.2023; reviewing 18.05.2023; accepted 28.12.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. P. Bezenova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>